

ЛИНАР ФАРХУТДИНОВ

Дело

Ильназа

Галявиева

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Линар Фархутдинов

Дело Ильназа Галявиева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69863737

SelfPub; 2025

Аннотация

Во всех первых сообщениях о нападении на казанскую гимназию №175 со ссылкой на правоохранительные органы, включая ФСБ, говорилось одно: напавших несколько, один из них сдался, другой убит.

Эта книга запечатлела состоявшийся через полтора года судебный процесс над «казанским стрелком», процесс беспощадной и бесстыдной борьбы с логикой и фактами, в ходе которого правоохранительные органы проигнорировали сотни противоречащих обвинению показаний свидетелей и потерпевших, скрыли видео с камер гимназии, потеряли записи с полицейских регистраторов и в результате успешно оставили Ильназа Галявиева единственным виновником трагедии.

Содержание

Предисловие	5
Сообщения СМИ о нескольких стрелках	8
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Линар Фархутдинов

Дело Ильназа Галявиева

Пусть из гибели невинных вырастет не новая казнь, но ясная мысль, точное слово.

Лидия Чуковская

Предисловие

Эта книга – самое полное собрание показаний свидетелей и потерпевших, протоколов осмотра места происшествия, результатов различных экспертиз, а также репортажей из Верховного суда Республики Татарстан по делу о массовом убийстве в казанской гимназии №175.

11 мая 2021 года, когда произошло убийство, я работал корреспондентом в одном из казанских изданий, что давало некоторые возможности для сбора сведений и было поводом для знакомства с семьей обвиненного в убийстве. Когда в ноябре 2022 года начался суд, я уже не имел удостоверения журналиста, но по своей воле посетил в качестве слушателя все открытые заседания суда, 46 из 51.

Вместе с Ринатом Галябиевым, отцом теперь уже осужденного, мы провели много часов, делаясь информацией: я передавал содержание показаний и экспертиз, которые слышал в суде, он рассказывал о своем сыне, о том, что он сам пережил со дня нападения на гимназию, о свиданиях с Ильназом в СИЗО, конфликтах со следователями, помогал опросить соседей и знакомых ему жителей близлежащих к гимназии домов.

С некоторых пор расстрелы детей в России происходят каждый год, но не получают должного анализа и рефлексии,

а чаще всего даже не имеют подробного описания, на котором мог бы основываться такой анализ. Восполнить этот пробел и дать описание произошедшего в Казани – цель этой книги.

Пролог

Ильназ Галявиев родился в Казани 11 сентября 2001 года, в день террористической атаки на башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Через семь лет он пошел в школу, номер которой совпадает с номером рейса второго самолета, влетевшего в одну из башен – 175.

Во время учебы в гимназии Галявиев не подвергался издевательствам. Старший брат Инсаф учился в этой же школе на год старше Ильназа, дома братья жили в одной комнате; он свидетель, что над младшим братом в школе не издевались. Друг и одноклассник Ильназа, допрошенный следователями, также подтвердил это; другие одноклассники показали то же. Сам Ильназ на допросах заявил: никто не унижал его в школе и ему было безразлично, был ли там хоть кто-то, кого он прежде знал, будь то учителя или ученики – он выбрал гимназию исключительно потому, что хорошо в ней ориентировался и она была близко от дома.

Учился Галявиев средне, без особого желания. Проучившись в школе 9 лет, в 2017 году он поступил в колледж ТИС-БИ на программиста.

В 2020 году студент колледжа ТИСБИ Даниил Андреев, также учившийся на программиста, но на год младше Галявиева, стал называть себя богом, одеваться во все черное, перестал ходить на занятия и застрелился из ружья 10 мая.

В начале 2021 года поведение Ильназа резко изменилось. он начал называть себя богом, одеваться в черное, перестал ходить на занятия, стал грубить родителям, материться и курить. По словам одноклассников, он предлагал им вступить в секту.

Утром 11 мая 2021, накануне праздника Ураза-байрам (Ид аль-Фитр), Галявиев пришел в гимназию №175, которую закончил четыре года назад, на входе выстрелил из ружья в работника школы и скрылся в здании. Через 8 минут он вышел из гимназии с поднятыми руками и сдался стоявшим у входа сотрудникам полиции.

Войдя в здание, полиция обнаружила девять трупов: учителя Венеры Айзатовой в коридоре первого этажа, учителя Эльвиры Игнатьевой в кабинете 206 на втором этаже и семь трупов учеников 8А класса в кабинете 310 на третьем этаже. Все были убиты выстрелами картечи из ружья.

Галявиев признал вину сразу и полностью.

Часть I До суда

Сообщения СМИ о нескольких стрелках

В истории о нападении на гимназию №175 крайне важно то, как она была изначально преподнесена правоохранительными органами и СМИ, потому что во всех первых сообщениях говорилось, что на гимназию напали несколько человек, а не один.

Ильназ Галявиев вышел из гимназии в 9:33. Запомним это и перечитаем первые сообщения о происшествии.

ТАСС сообщает в 9:43:

«Один из напавших на школу на улице Файзи в Казани может удерживать нескольких заложников. Об этом ТАСС сообщил источник в правоохранительных органах. «По предварительным данным, напавший на школу, который в настоящее время находится в здании, может удерживать в заложниках нескольких человек», – сказал собеседник агентства.

По данным источника ТАСС в правоохранительных органах, во вторник два человека устроили стрельбу в школе № 175 в Казани из огнестрельного оружия. Одного из них уже задержали, им оказался 17-летний подросток»¹.

ТАСС путает возраст Галявиева, но различает его, уже задержанного, от второго, который еще находится в гимназии и может удерживать заложников. Эта новость выходит спустя 10 минут после того, как Галявиев вышел из гимназии.

В 10:04 ТАСС сообщает:

«Силовики ликвидировали второго напавшего на школу в Казани на улице Файзи. Об этом ТАСС сообщил источник в правоохранительных органах. «По предварительным данным, второй напавший на школу в Казани, который остался в здании, ликвидирован», – сказал собеседник агентства»².

Life.ru тоже начинает с новости, что «неизвестные открыли огонь»³. Затем пишет в 9:46:

«Один из открывших огонь в казанской гимназии был ее учеником. Его сообщник заблокирован в здании учебного заведения и удерживает нескольких человек.

Один из стрелков, ворвавшихся утром 11 мая в гимназию в Казани, ранее там учился. По данным источника Лайфа, парню 19 лет. На данный момент он задержан.

Как рассказывает наш собеседник, его сообщник еще не установлен, по предварительным данным, он все еще нахо-

2

Источник: второго участника нападения на школу в Казани ликвидировали// ТАСС, 11 мая 2021, 10:04, <https://tass.ru/proisshestviya/11339271>

3

Неизвестные открыли стрельбу в гимназии в Казани// Life.ru, 11 мая 2021, 9:04 (очевидно, время на сайте издания указано неверно, в это время Галявиев еще не пришел в гимназию), <https://life.ru/p/1396172>

дится в здании школы и с ним находятся шесть-семь человек»⁴.

Далее издание сообщает со ссылкой на источник в правоохранительных органах, что один из нападавших задержан, но

«вместе с тем очевидцы сообщают о продолжающейся стрельбе и взрывах внутри здания. <...> По данным собеседника, сейчас в здании учебного заведения слышны звуки стрельбы и взрывов. На месте работают экстренные службы. Напомним, двое неизвестных утром 11 мая зашли в гимназию №175 на улице Файзи в Казани и открыли стрельбу»⁵.

В 10:19 Life.ru сообщает, что задержан предполагаемый пособник нападавших на гимназию:

«В Казани задержали предполагаемого пособника стрелков, устроивших нападение на казанскую гимназию № 175. Эту информацию Лайфу подтвердил источник в правоохранительных органах. По его данным, им оказался 41-летний Рамиль Мухамедшин»⁶.

«Интерфакс» сообщает в 11:08:

«Сотрудники правоохранительных органов обезвредили второго стрелявшего в казанской школе, сообщил «Интер-

⁴ Один из открывших огонь в казанской гимназии был ее учеником//Life.ru, 11 мая 2021, 09:46, <https://life.ru/p/1396182>

⁵ Лайф публикует видео задержания одного из казанских стрелков// Life.ru, 11 мая 2021, 09:17 (время неверное), <https://life.ru/p/1396177>

⁶ В Казани задержан предполагаемый пособник задержанного после стрельбы в Казани// Life.ru, 11 мая 2021, 10:19, <https://life.ru/p/1396192>

факсу» информированный источник.

«Второй стрелявший нейтрализован в одном из классов на четвертом этаже», – сказал собеседник агентства»⁷.

РБК пишет в 11:38:

«В Казани задержан предполагаемый пособник стрелков, напавших на школу № 175, сообщил источник РБК, близкий к ФСБ. Это некий Рамиль Мухамедшин, ему 41 год.

Сотрудники правоохранительных органов отрабатывают связи злоумышленников, личности которых уже известны. «Проводятся мероприятия по установлению всех задействованных в стрельбе лиц», – сообщил источник, близкий к ФСБ.

О задержании 41-летнего Рамиля Мухамедшина, подозреваемого в пособничестве стрелкам, сообщает также Life со ссылкой на свой информированный источник»⁸.

Телеграм-канал Mash писал:

«на гимназию №175 напали два подростка. Одного задержали, второй отстреливается на третьем этаже»; «один преступник побежал в сторону улицы Туганлык, там его поймала полиция»; «второго стрелявшего в гимназии № 175 ликвидировали в здании школы».

Когда вечером того же дня глава Татарстана Рустам Мин-

7

Силовики обезвредили второго стрелявшего в казанской школе// «Интерфакс», 11 мая 2021, 11:08, <https://www.interfax.ru/russia/765367>

8

Задержан предполагаемый 41-летний пособник казанских стрелков// РБК, 11 мая 2021, 11:38, <https://www.rbc.ru/society/11/05/2021/609a40fa9a7947164f8340a1>

ниханов вместе с министром здравоохранения России Михаилом Мурашко и министром просвещения России Сергеем Кравцовым обходили раненых детей в детской республиканской клинической больнице, они все еще говорили о нападавших во множественном числе.

Рамиль Мухамедшин

41-летнего Рамиля Мухамедшина, задержанного и объявленного пособником напавших на гимназию, продержали в отделении полиции два часа, после чего отпустили.

«Сообщалось, что вместе с Ильназом Галявиевым был задержан то ли его подельник, то ли координатор. Мы выяснили, как все было на самом деле. 41-летний Рамиль Мухамедшин был задержан сотрудниками полиции по подозрению в пособничестве Ильназу Галявиеву. Мужчину задержали неподалеку от школы. По данным источника в правоохранительных органах, мужчина был в алкогольном опьянении.

В день стрельбы в некоторых СМИ прошла информация, что второй задержанный мог иметь непосредственное отношение к трагическим событиям в гимназии и являться подельником Галявиева. Однако оснований держать его в отделении, судя по всему, полицейские не нашли.

По данным Лайфа, Мухамедшина отпустили уже спустя два часа. В отделение его доставили вчера в 11 часов, а в 13:40 он уже вышел на свободу»⁹.

Еще раньше, чем отпустили Мухамедшина, из интернета пропала его фотография, опубликованная в том числе главредом Russia Today Маргаритой Симонян в своем телеграм-канале. Не осталось буквально ни одной фотографии.

За все время Мухамедшин ни разу не прокомментировал свое задержание, не пожаловался на ущерб своей репутации; ни один журналист ни разу не попытался взять у него интервью или комментарий. Они пообщались с учителями, директором школы, родителями Ильназа и родителями потерпевших, очевидцами, жителями близлежащих домов, но ни разу никто не поговорил с Рамилем Мухамедшиным.

После того, как я перед началом суда над Галявиевым публично выступил со статьей о противоречиях в этом деле, со мной на связь вышли многие люди, которые заверили, что помнят фото Мухамедшина и смогут его найти, но никто не смог. Ветка форума, где обсуждалось дело Галявиева и была опубликована фотография Мухамедшина, оказалась заблокирована.

Позже я объявил денежную награду за его фото, но никто так и не смог его разыскать.

В ходе суда над Галявиевым Мухамедшина не вызывали свидетелем, его фамилия не была названа ни разу.

Ринат Галявиев

Когда я впервые увидел Рината Галявиева, была уже осень. Мы встретились на автобусной остановке неподалеку от 175-й гимназии. Момент испытующей неопределенности – он или нет? – и мы пожали друг другу руки и ушли с освещенного проспекта в темноту дворов. Ринату 55 лет, он работает водителем и предпочитает говорить по-татарски. Отныне он мой проводник в мир местных жителей, свидетелей и очевидцев.

В последующие месяцы мы не встретили здесь ни одного человека, который бы считал, что его сын напал на гимназию один, и ни одного человека, который бы выразил неприязнь к Ринату как к отцу стрелка. Как без обиняков сказала ему мать одного из раненых детей, «если бы люди верили, что Ильназ был там один, вас давно бы уже застрелили».

Ринат рассказал, как пережил 11 мая. «Сами следовательно нам в первые дни доказывали, что их было трое. В первый же день показывали фото человека, она была подписана «Рамиль Мухамедшин». Якобы он у нападавших был за старшего. И еще через два дня снова приходили к нам и все еще показывали эту фотографию. Следовательно сам рассказывал, что одного нападавшего застрелили, а третьего не смогли поймать. А потом они сказали, что просто ошиблись, что Ильназ все сделал один».

Ночью 11 мая Рината привезли на допрос в первый отдел по расследованию особо важных дел следственного комитета на улице Наки Исанбета, 57. По его словам, на полу в ка-

бинете, где его допрашивали, лежало три ружья и куча патронов.

– Чьи это ружья? – спросил Галявиев.

– Казанских стрелков, – ответил ему следователь.

Через полтора года, когда в конце судебного следствия старшего Галявиева допросят в суде как свидетеля, он повторит все это и назовет фамилию следователя – Королева. «Королева, – деловито запишет у себя судья Айрат Миннуллин. – Мы можем вызвать ее в суд и опросить». Но никого не вызовет и не опросит.

Соседи

Ринат показал мне их старую квартиру, в которой Ильназ несколько месяцев перед нападением жил один. Квартира пуста, ходим в обуви – еще не окончен ремонт: отец перестелил полы и переклеил обои после попытки поджога в день нападения (якобы сын, уходя на убийство, подпалил помещение) и последующего обыска с выламыванием подоконников.

Из окна квартиры видна 175-я гимназия.

Когда мы вышли, Ринат постучал к соседям. Открыла девушка, молодая мать.

«Я и не знала, что он один живет, пока сосед не поднялся по поводу шума. Что Ильназ шумит, я тоже слышала. Каждый день был какой-то шум, как будто гантели падают. Сначала вот такой звук металла, а потом стук такой тупой, как об стенку или об пол.

Мы подумали, что он спортом занимается, но это было с периодичностью: 3-4 часа проходит – стучит, еще 3-4 часа проходит – опять, и так постоянно.

А дверью хлопать он начал еще раньше. Вы все тихо ходили, – обращается к Ринату, – вообще неслышно было, а он прямо агрессивно закрывал двери, стены сотрясались.

В феврале, когда я после родов приехала домой, он уже дверью сильно хлопал. Я думала, ему мешает плач моего ребенка маленького, связывала с этим.

Я после какого случая узнала, что вы переехали – когда поднялся сосед из-за шума. Это было 10 мая, в ночь перед нападением. Сосед говорит: «Ты перестанешь шуметь или нет?» У них произошла словесная перепалка; Ильназ говорил уверенно, нагло. Сосед сначала нормально с ним начал разговаривать, а в итоге они на повышенных тонах поговорили. Ильназ ему еще сказал: «Вы мне мешаете, музыку слушаете». На что сосед сказал: «Какую музыку? У меня даже проигрывателя нет».

Честно – мы Ильназа боялись. Я думала, он или наркоманом стал, или что-то такое».

Конфликт по поводу шума в ночь перед нападением был у Ильназа и с другим соседом. В этот раз Ильназ сам пришел жаловаться на шум. «Он пришел, стучит, говорит: «Чего шумите?». Я подошел к двери, но дверь не открывал, говорю: «Все давно спят уже, никто не шумит, иди спать». Он ушел. Шумел ли он сам – мне не слышно, у меня с другой стороны

квартира».

В один из вечеров жительница дома рассказала, что за неделю до нападения на гимназию столкнулась в подъезде с Рамилем Мухамедшиным – человеком, позже задержанным как пособник Галявиева в нападении на гимназию.

– Этот человек был один. Я стояла внизу, ждала лифт наверх, а он вышел из лифта. Он так посмотрел на меня, я даже испугалась его взгляда. А потом, когда показали его фотографию, я его узнала. Писали, что он связан с Ильназом. На фотографии точно он был.

– Вы про него рассказали следователям?

– Я про него ничего не сказала. Испугалась. Не столько за себя, сколько за семью боюсь. Он же на свободе. Кто знает, что он сделает. Глаза такие злые были, я аж отпрянула от него.

Ринат рассказал мне, что был в соседнем доме у родителей одного из раненых в гимназии детей. По словам Рината, они приняли его хорошо и были убеждены, что у Ильназа были сообщники.

Спустя несколько дней мы встретились с отцом этого раненого мальчика во дворе дома. Ринат не предупредил обо мне и по факту представил своим знакомым; бывший милиционер взглянул на меня недоверчиво. Во время нападения на гимназию он был дома; услышав выстрелы и взрывы, побежал к школе. Там он увидел Ильназа, лежащего на асфальте, на него уже надевали наручники. В это время на третьем

этаже гимназии раздалось три выстрела.

– Они нас всех могут по одному перебить, – сказал он нахмуренно.

Затем рассказал, что их с супругой телефоны прослушиваются, так как следователям становится известно содержание их домашних разговоров, и теперь они говорят о происшествии, только оставив телефоны в другой комнате.

Я спросил, что рассказывает о происшествии сын.

– Ничего. К нему подойти невозможно, он как ежик, – ответил отец.

«Как ежик» – через год я услышу это сравнение на суде в показаниях его сына: так он опишет, в какой позе лежал на полу, пока его расстреливали в спину картечью.

То была наша первая и последняя встреча: больше этот человек не выходил на связь с Ринатом, не брал трубку и не открывал ему дверь.

Генерал Лавров

В июне 2021 года судебно-психиатрическая экспертиза в институте Сербского в Москве признала Ильназа Галявиева невменяемым и заключила, что он страдает хроническим расстройством «параноидная шизофрения». Следовательно, он не мог сам нанимать себе адвокатов или отказываться от них – это могли делать только его родители.

В октябре Ильназа отправили на повторную экспертизу в 6-ю психиатрическую больницу Петербурга. Оттуда он написал родителям письмо:

«Сразу начну с важной новости, эксперты посчитали меня вменяемым, поэтому мне срочно нужно встретиться с адвокатом! СРОЧНО!!! Пожалуйста, свяжитесь с ним, и пусть он немедленно вылетает сюда, в СИЗО, в котором я сижу, СИЗО называется «Кресты». Необходимо поговорить с ним про ту ситуацию, что сложилась после экспертизы, про еще одну повторную экспертизу».

На почтовом штампе письма указана дата: 02.11.2021, адрес отправления: Санкт-Петербург, улица Колпинская, дом 9, строение 1. Официально экспертиза будет подписана 12 октября, эту дату ее проведения позже назовут в суде.

В конце октября 2021 руководитель следственной группы по делу о массовом убийстве в гимназии №175 генерал-майор Александр Лавров встретился в Казани с отцом и матерью Ильназа Галявиева и в присутствии местного полковника СК Алексея Парамонова предложил им отказаться от нанятых адвокатов. По словам Рината Галявиева, Лавров стучал кулаком по столу и кричал: «Ваш сын убийца! Зачем вам адвокат?!» Уговоры продолжались 40 минут, но родители не приняли предложение Лаврова. Вместо этого Ринат сделал Лаврову встречное предложение: показать видеозаписи со школьных камер, на которых видно, как его сын убивает детей, и тогда он сам откажется от адвокатов. Лавров не согласился.

Через день Лавров снова пригласил Рината Галявиева и показал ему написанное рукой его сына заявление об отказе

от адвокатов. Поскольку вторая экспертиза признала Ильназа вменяемым, он теперь имел на это право. «Вот, вы не отказались, а ваш сын отказался», – довольно сказал молодой генерал. Лавров был в гражданской одежде и в надвинутой на глаза кепке и остроносых ботинках показался Ринату похожим на бандита. «Взгляд у него, как на фото у Гудериана, который в 41-м под Москвой стоял», – вспоминает Ринат.

Так следствие устранило независимых игроков, фигура замкнулась, и больше некому было указать на противоречия в обвинении. Это могли сделать только потерпевшие, но, как показал суд, они хотели лишь скорого осуждения Галявиева и завершения процесса.

Интервью с родителями Ильназа

Редакция, в которой я работал на момент расстрела детей, не разделяла мой интерес к делу Галявиева. «Криминал – не твоя тема», – сказал один редактор; «У Минниханова скоро выборы, нас просили пока не поднимать эту тему», – сказал самый главный. «Мы не хотим сесть на бутылку», – признался другой. «Это татарские националисты?» – предположил четвертый о тех, кто подвергал сомнению официальную версию произошедшего.

Когда я стал получать информацию от Рината, ее редактировали так, чтобы она согласовывалась с позицией следственного комитета, чем подрывали доверие Рината ко мне. Какие-то вещи они вообще отказывались публиковать, но перепечатывали без проблем, если эта информация всплы-

вала в других СМИ.

Позже, после начала процесса, никто из моих коллег не написал ни строчки о противоречиях, оглашенных в ходе открытых судебных заседаний. В моей же голове дело Галявиева занимало все больше места, постепенно вытеснив все остальное.

В декабре 2021 редакция согласилась на интервью с родителями Галявиева, потому что конкурирующее издание пригласили на продление меры пресечения Ильназу и позволили задать ему вопросы на камеру. Никаких других журналистов не пригласили, что нарушило негласные правила игры и требовало отмщения.

В конце декабря я впервые пришел домой к родителям обвиняемого. Галявиевы – обычная татарская рабочая семья. Отец водит машину днем, мать пересчитывает деньги в банке по ночам. Старший сын тогда оканчивал Казанский университет. В квартире чисто, светло, опрятно, на шкафу в гостиной сувениры с кораническими изречениями, четки, на самом верху – портреты обоих братьев, когда они были еще малышами.

В углу – зеленый баян.

– Играете?

– Да, играю. Но не очень красиво.

В этот день я впервые увидел Наилу Галявиеву, мать Ильназа. Она выглядела совершенно разбитой, уничтоженной.

«Все началось после Нового года, с 2020 на 2021. Новый

год мы отмечали всей семьей, он тогда был совершенно нормальный. И уже после этого в январе появилась агрессия. Они с братом жили в одной комнате. Ильназ начал выгонять Инсафа, мешал ему спать. Слово за слово, они начинали драться. Потом начал называть меня по имени, и отца тоже.

Мне тоже спать не давал. Я же работала при банке в кассово-инкассационном центре. Мы ночью пересчитывали деньги, которые привозит инкассация. Днем мне надо было спать. А Ильназ стал ходить и специально хлопать дверью в комнату, дверцами шкафов. Или ночью зайдет в нашу с мужем комнату, в полночь, и смотрит куда-то вдаль. У нас еще часы напротив двери стояли, я сначала думала, на часы, что ли, смотрит?

Тогда он уже начал называть себя богом. Я это всерьез не восприняла, посмеялась только: «Улым¹⁰, какой уж ты бог!»

До этого он всегда был послушный, чистенький, аккуратный. Стол пока не протрет, не сядет. Пишут, что он сейчас руки на себя накладывает пытается, что склонный к самоубийству. Мне трудно в это поверить, ведь он всегда так боялся смерти! У него родинок много, например, так он боялся, что у него от загара может развиться рак. Телефон никогда в комнате не держал и брата тоже заставлял на ночь выносить телефон на кухню, чтобы не было облучения. На права тоже не хотел учиться, потому что много аварий, бо-

ялся убиться».

«В деревне у дедушки он всегда работал, безотказный был парень. В деревню мы постоянно ездим, в выходные, в праздники, летом они всегда с братом там, в каникулы», – добавляет Ринат.

«Всегда мне помогал убираться. И в один момент совершенно изменился. Раньше поест, скажет: «Рэхмэт, бик тэм-ле булды»¹¹. А тут: «Говно ваша еда!» Один раз вообще начал петь какую-то тюремную блатную песню, откуда только взял, никогда такие песни не слушал ведь».

«Еще курить начал. Тоже после Нового года заметили. Сначала вот эти электронные сигареты, потом уже обычные. И все «пофиг» ему, это его любимое слово стало, что ни скажи, все «пофиг». В последний раз мать сама стригла его, потому что он попросил коротко себя побрить, как будто в армию уходил. Мол, ему пофиг, что сверстники скажут. Говорил ему, давай машину куплю – нет, ничего не надо».

«Я не знаю, что с ним произошло. Я уж и ругала его несколько раз, почему он таким стал, сама плачу, сама кричу: «Ну что случилось с тобой, почему у тебя такие глаза?»

«Единственное, что я могу припомнить: он мне сам рассказывал, как в колледже какой-то парень достал нож. У них там одни мальчики в группе. Ильназ сказал мне, что все разбежались, и только он один не побоялся. Сказал, что после этого почувствовал себя сильным, – вспомнил отец. – У него

был последний год в колледже, но он еще в сентябре сказал: «Давай, я уйду». Я говорю: «Улым, 40 тысяч даем же каждый год, доучись уж, получи документ». А он говорит: «Я вам эти деньги отдам».

«Мы до этого купили квартиру, делали там ремонт. После Нового года Ильназ стал торопить нас, давайте, переезжайте. Сказал: «Если вы не уйдете, я сам сниму квартиру». В итоге мы переехали, сначала Инсаф, потом мы. Все говорят, что мы оставили Ильназа, но это неправда. Два-три раза в неделю мы ходили к нему. Готовила ему еду, убиралась. И он абсолютно нормально себя вел, глаза стали прежними. Наверно он злился, чтобы нас выгнать из квартиры».

«В конце февраля мы окончательно переехали. Он просто нас вынудил, мешал Наиле спать. Мы даже подумали, что он из-за квартиры на нас так злился, потому что мы всегда говорили, что оставим ее старшему брату. Даже обрадовались, что если он только из-за этого так себя вел. Мы же не против, пусть бы он жил».

«3 мая пришли к нему в последний раз. Еду приготовили, привезли картошку из деревни. После этого он запретил нам приходить, сказал, сам все сварит. 10 мая отец созванивался с Ильназом, предупредил, что я приду на следующий день. А он сказал: «Пускай мама не спешит». Сказал, чтобы приходила в полдвенадцатого, не раньше. 11 мая я заготовку сделала, голубцы, чтобы отвезти Ильназу. Вдруг мне сын говорит: «Там в школе стреляют». Я сразу подумала: ведь

у нас оружие есть. Заготовки взяла и с сыном на такси поехала. Пришли туда, а возле двери уже полицейские стоят. Десяти часов не было еще, наверно. Я сама открыла дверь своим ключом. Там все было в дыму, но открытого огня я не видела. Потом уже полицейские нас вывели и посадили в полицейскую машину.

Они нам не сказали, что произошло. У сына телефон был, он смотрел в интернете и мне сказал. Потом у нас отобрали телефоны. Сидели в одной машине, потом в другой, потом нас повезли на Гвардейскую, потом на Патриса Лумумбы, потом обыск в квартире был: сначала в одной, потом в другой. Когда нас увезли в следственный комитет на улице Наки Исанбета, была уже ночь, полчетвертого утра».

«На следующий день снова поехали туда, на Наки Исанбета. Купили одежду для Ильназа: тапочки вьетнамские, свитер спортивный, и вот он полгода ходил в этом. Даже в Казань из Петербурга в этом же приехал. Вот только недавно переоделся в другую одежду, которую мы передали.

Всем нашим родственникам, знакомым, коллегам звонили, характеристику на меня брали. Даже с нашей деревни троих человек опросили, мол, какая у нас семья.

Я думал, меня самого посадят, каждый раз в следственный комитет без машины ездил. Нас даже полиграф заставили пройти. Например, знали ли мы, что Ильназ собирается атаковать школу, такого рода вопросы».

«Мы узнали про оружие, только когда он уже сейф купил,

мы в это время уже в другой квартире жили. Сейчас, говорит, мне сейф привезут. Самих росгвардейцев мы не видели, Ильназ сказал, что они приходили. Я сама до последнего была уверена, что оружие ему не дадут. Он буквально в апреле получил оружие и мне его показывал. Говорит, в июне вместе с отцом пойдем на кабана».

«Я проверял потом, действительно, в июне охотятся на кабана. Охотничий билет был у него. Рассказывал, что сам привез ружье из Йошкар-Олы на автобусе».

«Сами мы ему ни копейки денег не давали. Он сказал, что заработал в какой-то игре».

Незадолго до интервью Ринат впервые за 7 месяцев попал на свидание к сыну.

«При встрече он мне сказал: «Эти¹², почему ты не сдал меня в дурдом, я бы здесь не оказался тогда. Я ему говорю: «Улым, как уж я тебя своими руками в дурдом сдам». Сейчас он больной человек. Одна рука дрожит у него почему-то. Я спросил, в чем дело, он говорит, все нормально, а сам руку прячет от меня.

Про 11 мая он сказал, что не помнит тот день. Говорит, все как в тумане. Там и спросить ничего толком нельзя: у него за спиной стоят, у меня за спиной стоят тоже. Прямо сказали, если буду спрашивать лишнего, выгонят¹³. В письмах спра-

12

Папа, тат.

13

Эта строгость объясняется юридически: свидетель (Ринат) не должен говорить о деле с обвиняемым; видимо, чтобы за этим уследить, им

шивает, как у нас дела, переживает, как к нам относятся люди. Просит книги ему передать, еду».

В конце интервью родители попросили прощения у родителей погибших и раненых детей.

Я сдал это интервью и вскоре уволился из газеты.

Вызов к следователю

Через два месяца после выхода интервью мне позвонил следователь по фамилии Усербаев и попросил явиться к нему для дачи пояснений в связи с вышедшим материалом.

Я опоздал на три часа, но пришел в управление следственного комитета по Вахитовскому району Казани возле железнодорожного вокзала.

Усербаев моложе меня и вместо правого уха у него шрам. Он объясняет, что Ильназ Галявиев якобы просит привлечь меня к уголовной ответственности за публикацию фрагмента его письма родителям. Речь о фрагменте, в котором Ильназ просит срочно прислать к нему адвоката, так как экспертиза признала его вменяемым. Накануне Усербаев уже вызывал к себе родителей Галявиева, бывших адресатами письма. Они объяснили, что дали свое согласие на его публикацию. Поэтому, сообщил мне следователь, в моих действиях нет состава преступления, но взять у меня пояснения он обязан – «чистая формальность».

Я рассказал обстоятельства: познакомился, договорился, встретился такого-то числа, записал, набрал текст, такого-то

были также запрещены разговоры и переписка на татарском языке.

числа передал редактору. Показал скриншот переписки с Ринатом, где он дает согласие на публикацию. Усербаев распечатал скриншот, приколот степлером к объяснительной, верно, но с ошибками записанной с моих слов, и попросил перевести несколько фраз из попавшей в скриншот переписки.

– А то у нас тут с татарским плохо, – объяснил он, записывая перевод ручкой поверх распечатки.

Позже я узнал, что подобные заявления якобы от Галявиева получили очень многие, кто проявлял интерес к его делу, и даже те, кто проживал за пределами России, в СНГ. О деятельности этих людей и самом их существовании Ильназ, находясь в СИЗО, конечно, ничего знать не мог.

Рассказ учителя

«Когда стрелять начали, мы закрыли двери. У меня ребенок стал проситься в туалет, но я не пустила, так как отчетливо слышала, что выстрелы раздаются на третьем этаже.

Взрывов я помню два: один очень сильный, от него стены тряслись, а другой глухой.

У меня жизнь остановилась. Тогда казалось, что все очень долго, казалось, что никогда не закончится.

Точно скажу, что выстрелы были после задержания Галявиева.

Сразу после эвакуации мне назвали три фамилии нападавших и спросили, не преподавала ли я у них. Одна фамилия была Галявиев, остальные я не запомнила.

Учителя все знают, но не могут идти против системы».

Отец потерпевшего

«Я думаю, организаторы живы и на свободе. Это подтверждают события и самое последнее в Ижевске. Я боюсь повторения этих событий, что моя семья погибнет.

Сначала следователь сказал мне расписаться в отказе от ознакомления с делом, но потом сказал: «Можете прийти и изучить».

Многие умалчивают детали, которые не соответствуют тому, что указано в деле.

Власть сильнее, и журналисты им не помеха.

На одном из собраний с родителями было сказано, чтобы ничего не выходило за пределы Татарстана.

На суде я сам не буду ничего спрашивать, пусть спросит кто-нибудь другой».

4 ноября 2022 года, за пять дней до начала суда над Гальявиевым, я опубликовал в своем блоге статью, в которой обобщил основные известные мне на тот момент противоречия. В этот же вечер мне позвонил скрытый номер, после чего я стал замечать, что в моем телефоне начала забиваться память, мессенджер Telegram стал прибавлять почти по гигабайту в час. После обновления программного обеспечения телефона проблема исчезла, но в дальнейшем повторялась еще несколько раз.

На почту, которую я указал в статье для обратной связи,

сразу начали приходить письма от людей из разных регионов России и СНГ. Они делились своими соображениями, опасениями, материалами, подсказками, выражали поддержку.

Писали и те, кто пытался взломать мою почту, разными нелепыми предложениями сподвигая меня пройти по ссылке.

Часть II Суд

Фальстарт

9 ноября 2022 года, через полтора года после преступления, в Верховном суде Республики Татарстан начался суд над Ильназом Галявиевым.

Судьей стал сорокалетний Айрат Миннуллин, бывший следователь по особо важным делам следственного комитета РФ по Республике Татарстан.

Миннуллин представил адвоката по назначению Руслана Нуриахметова, также бывшего следователя, и спросил Галявиева, доверяет ли он этому адвокату.

– Да, я ему доверяю, – ответил Ильназ, встав со скамьи.

Затем судья сообщил, что 7 ноября поступило ходатайство от адвоката Алексея Васильева: тот сообщает, что с ним заключено соглашение о защите интересов подсудимого, и уведомляет о вступлении в уголовное дело. 8 ноября Васильев прислал в суд второе ходатайство, в котором пишет, что был извещен судом о начале судебного заседания лишь 7 но-

ября, поэтому, в силу занятости, не сможет явиться в назначенный срок. Васильев считает возможным начать рассмотрение дела без его участия, а в случае решения отложить дело, просит уведомить его об этом.

– Как вы считаете, мы можем продолжить рассмотрение уголовного дела без вашего защитника? – спросил судья Ильназа.

Подсудимый задумался.

– Да, можем, – сказал он наконец.

Судья спросил мнение четверых государственных обвинителей. Прокурор Татарстана Илдус Нафиков, возглавлявший команду, заявил, что присутствие адвоката обязательно и назвал поведение Васильева неэтичным.

Затем Нафиков заявил ходатайство о продлении Галявиеву меры пресечения, так как оно истекало 11 ноября.

Потерпевшая Альбина Хасанова от лица родителей убитых и раненых детей ходатайствовала о закрытии процесса от прессы, мотивируя это тем, что среди потерпевших в зале есть несовершеннолетние. Судья назвал это ходатайство преждевременным и удалился в совещательную комнату.

Вернувшись, он удовлетворил ходатайство о продлении меры пресечения подсудимому еще на полгода и объявил о переносе заседания на 15 ноября.

В очереди возле гардероба я попросил номер телефона у назначенного Галявиеву адвоката Нуриахметова.

– Без комментариев, – ответил защитник.

– Возможно, у меня есть информация, которая поможет вам в защите подсудимого.

Нуриахметов вжал голову в плечи и помотал головой.

– Вам не интересно?

Адвокат снова молча помотал головой.

Первое заседание

15 ноября на заседание пришли оба адвоката, с которыми были заключены договоры на защиту Галявиева: Алексей Васильев и Владимир Богдан.

Ильназ сразу ходатайствовал о закрытии заседания от прессы и посторонних лиц. Ходатайство он зачитал с листка; с листком до начала заседания в зал суда прошел следователь по делу Галявиева (вскоре ставший полковником) Алексей Парамонов.

– Мы это ходатайство обсудим, но сначала решим: вы согласны, чтобы два защитника, Васильев и Богдан, осуществляли вашу защиту? – спросил судья Миннуллин.

– Нет, я против того, чтобы они осуществляли мою защиту, – ответил Ильназ и добавил, что написал ходатайство в адвокатские палаты о возврате денег нанимателям за ненужные ему услуги.

– То есть, вы отказываетесь от услуг защитников? – уточнил судья.

– Да, я отказываюсь, – подтвердил Ильназ.

– По поводу адвоката Нуриахметова: вы согласны, что он будет вас защищать?

– Да.

Судья принял отказ и попросил Богдана и Васильева покинуть зал. Неудавшиеся защитники забрали у секретаря суда свои документы и вышли.

Затем Миннуллин вернулся к ходатайству об удалении прессы. Адвокат Нуриахметов это ходатайство поддержал.

Прокурор Нафиков ходатайство поддержал частично: дело Галявиева следует рассмотреть в закрытом режиме на стадии судебного следствия, а стадию прений сделать открытой. Нафиков мотивировал это заботой о несовершеннолетних, которые проходят по делу потерпевшими.

– Подсудимый, ваше мнение?

– Я за полностью закрытый суд!

Судья отказался удалить прессу и отказал Нафикову в переводе судебного следствия в закрытый режим. Закрыты будут лишь те заседания, на которых будет разглашаться врачебная тайна, что будет оговариваться заранее. Наличие потерпевших несовершеннолетних не является основанием для перевода заседания в закрытый режим, пояснил Миннуллин.

Обвинение

Затем Нафиков зачитал обвинение.

Не позднее 8 февраля 2021 года Галявиев начитался информации о вооруженных нападениях на школы в России и за рубежом, затем, подражая им и «противопоставляя себя обществу», «из чувства превосходства над окружающими

и пренебрежительного отношения к ним», «из хулиганских побуждений, без повода» с помощью огнестрельного оружия и взрывчатки собственного изготовления решил убить учащихся и работников гимназии №175 по улице Файзи, 8.

С 8 февраля по 11 мая Галявиев прошел комиссию в наркодиспансере, научился обращаться с оружием, купил сейф, получил разрешение и лицензию на приобретение охотничьего гладкоствольного оружия и патронов. Затем купил ружье Hatsan Escort калибра 12/76 и боеприпасы: 150, 10, 90, 150, 120 и 80 патронов разных марок, из которых 490 заряжены картечью диаметром 8,5 мм, а 15 – пулей. Все это Галявиев отнес домой и хранил там.

Кроме того, в январе-феврале 2021 года Галявиев скачал в интернете инструкцию по изготовлению взрывчатки; с 24 февраля по 20 апреля приобрел в хозяйственных магазинах необходимые компоненты; с 20 апреля по 11 мая у себя в квартире незаконно изготовил самодельное взрывчатое вещество, а затем – взрывное устройство «по типу осколочной мины» с металлическими гайками в качестве поражающего элемента.

За 7 дней до трагедии Галявиев поделился своими планами в телеграм-канале «Бог».

Утром 6 мая Галявиев приходил в гимназию, но она была закрыта, поэтому он решил напасть на школу после завершения майских праздников.

11 мая в 7:46 Галявиев пришел в гимназию, «беспрепят-

ственно проник в нее», убедился, что занятия идут и нет вооруженной охраны, и «принял решение о совершении нападения в тот же день». Вернулся домой, взял туристический нож отца, взрывчатое вещество и взрывное устройство, ружье, заряженное картечью, 505 запасных патронов и пошел к гимназии.

«Действуя с прямым умыслом и осознавая общественную опасность и противоправный характер своих действий, предвидя возможность и неизбежность наступления общественно опасных последствий и желая этого», 11 мая в 9:24 Галявиев встретил на крыльце у входной двери в гимназию случайного посетителя школы Садыкову и трижды выстрелил в нее из ружья. Девушке удалось спастись бегством. Это первое пострадавшее лицо.

Затем Галявиев увидел рабочего гимназии Мулланура Мустафина, 1958 года рождения, и дважды выстрелил в него, попав в голову и живот. Его спасли врачи.

В 9:25, находясь в холле первого этажа, Галявиев стрелял в убегающих учителей и работников школы, но не попал. Они убежали и спрятались.

Находясь в коридоре первого этажа гимназии, между кабинетами 107 и 108, Галявиев выстрелил в голову учителя начальных классов Венеры Айзатовой. Она скончалась на месте.

Затем у Галявиева закончились патроны, и он стал перезаряжать ружье.

В 9:26 он привел в действие свою «мину», установленную на полу у входа в кабинет 107. Взрывом он убить никого не смог, так как ему пришлось положить мину за закрытыми входными дверями, а мощность взрыва была недостаточной.

В 9:26 убийца проследовал по лестнице на второй этаж. В кабинете 206 выстрелил картечью в голову учителю английского языка Эльвире Игнатьевой. Она скончалась на месте.

Затем, увидев в окно на спортивной площадке на расстоянии примерно 28 метров учеников второго и третьего класса, дважды выстрелил в них картечью из ружья, попав в пятерых. Всего на площадке в тот момент было 22 ребенка.

В 9:27 Галявиев поднялся на третий этаж в кабинет 310, где из того же оружия расстрелял учеников 8А класса, «выпустив в них 20 патронов». 7 детей погибли на месте.

В заключение Нафиков сказал, что действия Галявиева были пресечены сотрудниками правоохранительных органов (сразу отметим, что это неверно, так как Галявиев закончил стрельбу и бросил ружье за три минуты до приезда полиции и, дождавшись их прибытия, сам вышел из школы с поднятыми руками).

– Вину признаю полностью, – ответил Ильназ на вопрос судьи, когда Нафиков закончил зачитывать обвинение.

Затем суд приступил к допросу потерпевших.

Показания потерпевших

Мулланур Мустафин представился суду рабочим, кото-

рый выполняет все ремонтные работы по зданию гимназии. Он заметил Галявиева, когда тот стоял к нему левым боком у входа в школу и стрелял в Садыкову. Затем стрелок развернулся к Мустафину, который собирался выходить из гимназии, и через стекло двери выстрелил ему в живот. Мустафин упал на пол в пространстве между внешней и внутренней дверью. Галявиев сначала прошел мимо него, а через какое-то время вернулся и выстрелил ему в голову (это важный момент, который следует запомнить).

Стреляя из дробовика в лежащего под ногами неподвижного человека, стрелок промахнулся: картечь попала Мустафину в голову рикошетом от бетонного пола.

На вопрос обвинителей, опознает ли он Галявиева, Мустафин ответил, что лицо нападавшего было закрыто маской с надписью «Бог», но по росту и телосложению Галявиев соответствует. Также Мустафин сказал, что любой человек смог бы остановить Галявиева, так как тот был перегружен сумками. Но сам Мустафин сделать этого не успел.

Также Мустафин рассказал, что видел, как Галявиев, выходя из школы после преступления, прошел мимо него с поднятыми руками и без ружья.

Часть черепа Мустафина заменена титановой пластиной. В этом году ему дали третью группу инвалидности.

После обеденного перерыва судья уточнил у Галявиева, добровольно ли он ранее отказался от адвокатов.

– Вас никто не заставлял?

– Нет, – ответил подсудимый. Адвокат по назначению его также устраивает.

Затем свои показания дали родители погибших детей. Обвинители попросили каждого описать события 11 мая; мало кто из родителей смог сделать это без слез.

Утром 11 мая Раиль Гарифуллин проводил дочь в школу, 12 мая вечером получил ее тело для похорон. Она была единственным ребенком. Родители окружали ее заботой, ради нее переехали в Казань, каждый день отводили и встречали из школы, так как «район – трущобные дома, алкаши, наркоманы». Но школа оказалась опаснее трущоб – именно там, на уроке, семь картечин на скорости 376 метров в секунду поразили их дочь в сердце и шею. Она осталась лежать под первой партой у окна, возле стола учителя, где всегда сидела.

– Галявиев все кричал, что он бог, пусть тогда вернет нам дочь, нам больше ничего не надо, – сказала Аниса Гарифуллина, глядя на подсудимого, сидящего с опущенной головой, укрытой капюшоном.

Алина Зарипова работает в гимназии №175 учителем татарского языка. В момент нападения на гимназию она находилась в кабинете 312 с классом 9А. Ее четырнадцатилетний сын был недалеко, в кабинете 310, где погиб от пулевых ранений вместе с дочерью Гарифуллиных и еще пятью одноклассниками.

11 мая Зарипова приехала в школу вместе с сыном. Он

переоделся в ее кабинете и пошел в свой. «Как обычно попрощался, его последние слова были: «Пока, мам!»»

Сама Зарипова осталась в кабинете 312. У нее не было своих уроков, она сидела на задней парте, проверяла работы учащихся, а ученики начали изучать историю с учителем Екатериной Корниловой.

«Директор сделала объявление, оно было необычное: она почти кричала. Сказала всем оставаться в кабинетах: детей не выпускаем, срочно всем зайти в кабинеты. Я побежала к столу учителя. Схватила ключи, сразу закрыла кабинет. Амина Салимовна несколько раз повторяла объявление. Потом уже в группе гимназии тоже написали срочно всем закрываться на ключ, никому дверь не открывать. Время было 9:27.

Так как мы были на третьем этаже, мы ничего не поняли, что происходит. Дети тоже были напуганы, они у меня спрашивали, что происходит. Я им сказала, что не знаю, но все будет хорошо. Мы отошли подальше от дверей в заднюю часть кабинета.

Услышали взрывы. Некоторые дети залезли под учительский стол, под парты. Кто-то начал плакать, я успокаивала детей. У меня с собой был глицин, кому-то его дала, потому что были дети с высоким давлением.

Потом началась стрельба. Много раз я слышала стрельбу, много раз звучали выстрелы. Несмотря на то, что мы находились недалеко от этого кабинета, крики чьи-то я не слышала.

ла. Я слышала только стрельбу и крики детей, которые вы- бегали через спортивную площадку, потому что наши окна туда выходили. Дети пытались встать, посмотреть, что про- исходит, но я им запретила.

Мы все сидели на полу. Потом в ватсапе в группу гим- назии в 9:56 я написала, что к нам стучатся сильно, ломают- ся. Я испугалась за детей. Потом мне позвонила Амина Са- лимовна, спросила: «Ты где?» Я говорю: «Здесь, в кабинете с детьми». Она сказала открывать дверь. Я пошла, открыла дверь – там стоят спасатели, пожарники нас выпустили. Я вышла из кабинета последней.

Мы вышли сзади школы, на спортивную площадку. Нас встретили родители, они все плачут. Я говорю: «Все живы, все здесь». Сама раздаю детей родителям, сама параллельно ищу 8А класс. Когда я выходила из своего кабинета, я виде- ла, что дверь их кабинета открыта, поэтому я подумала, что их раньше эвакуировали. У всех спрашиваю: «Где 8А?» – никто не знает.

Когда я была еще в кабинете, я звонила классному руко- водителю – она не отвечала. Написала мужу, он тоже не мог дозвониться до сына. Когда всех детей забрали и подъехал муж, мы начали искать ребенка. Ходили по дворам, у всех спрашивали, безрезультатно. Потом я увидела одноклассни- цу Валееву Сабину около своего подъезда. Я говорю: «Сабина, ты Амира видела?» Она говорит, не видела. Я бегу даль- ше. Идет навстречу Алиа, одноклассница сына. Я говорю:

«Алия, ты Амира видела?» Она говорит: «Да. Он лежал с закрытыми глазами. Он не вышел».

Но все равно у нас надежда еще была, что он жив. Потом нас подвели к скорой. Там психологи с нами сидели. Потом нам сказали, что всех раненых детей отвезли в ДРКБ. Я мужа попросила, чтобы он поехал туда, сама осталась около школы.

Потом нас отвели во двор детского садика. Я не знаю, сколько мы там сидели. Когда я там была, в группу родителей отправили фотографию, где наши дети лежат на полу в крови. Но все равно еще была какая-то надежда: может быть, они раненые? Потом меня вызвали к школе, психологи ко мне подошли, спросили, где Амир. Я говорю: «Не знаю, не могу его найти». Мужу позвонила в ДРКБ, он сказал: «Его здесь нет. Всех раненых уже привезли, больше не будет». А мне говорят, шестерых уже опознали, одного ребенка не смогли опознать. Спросили: «Вы готовы посмотреть?» Я говорю: «Да». Мне показали фотографию, но это был не мой сын, это был его одноклассник. Я им говорю: «Куда он может убежать, куда спрятаться, если он на этой фотографии лежит в крови под партой?» Потом у меня взяли телефон с этой фотографией. Потом выяснилось, что во время опознания произошла ошибка. Нас увезли в морг.

Сначала у нас спрашивали, во что он был одет, приметы, рост. Потом нам показали одежду, потом лицо, тело. Так мы узнали, что наш ребенок погиб.

Как мне сказали одноклассники, он умер сразу, как получил ранение. Опустил голову, лег, и все».

Ильназ был одноклассником дочери Зариповой. По словам дочери, он был спокойный, тихий, не имел врагов.

Учитель Ахтямова

Читая следующие показания свидетелей и потерпевших, следует удерживать в голове две вещи: первое – если Галявиев был один, то в гимназии не должно быть выстрелов после его задержания; второе – раз Галявиев принес в гимназию только одну бомбу, которую сам привел в действие, то в показаниях должен быть только один взрыв.

24 ноября в суде была допрошена учитель татарского языка гимназии №175 Гульназ Ахтямова. Согласно ее показаниям, утром 11 мая она вместе с Муллануром Мустафиным собиралась выходить из гимназии, чтобы купить цветы на день рождения директору. В этот момент на крыльце снаружи появился стрелок.

Увидев его силуэт через стекло двери и услышав «сильные, пугающие хлопки», Ахтямова побежала на третий этаж, «спотыкаясь добежала до своего кабинета» номер 313 на третьем этаже. В нем находился 6А класс. В этот момент директор гимназии объявила по громкой связи, что нужно запереть двери классов.

– Мы заперлись, и произошел взрыв. Потом мы быстро детей уводили назад, они все сели. Все дети боялись, у некоторых истерика была, я дала свою воду двум-трем уче-

никам, чтобы успокоить их. Потом еще один взрыв был. После взрыва у нас что произошло: стучали в дверь, и молчание было с той стороны. Конечно, я подошла к двери, вопрос не задала, просто прислушалась. Тишина стояла. Потом на улицу посмотрели через окошко, там уже начали эвакуировать детей. И через некоторое время уже сообщение пришло: «Все нормально, не переживайте, сейчас вас эвакуируют», – вроде так было написано.

Через некоторое время, действительно, постучали в дверь, я подошла, там Халикова Венера Закирзяновна сказала: «Откройте, пожалуйста, дверь». Я подошла, переспрашиваю: «Венера Закирзяновна, это точно вы?» Она говорит: «Да, Гульназ, откройте дверь». Вот так мы открыли дверь, там друг за другом стояли омовцы. В коридоре был дым, разваленное такое состояние, везде было пыльно. Когда уже с детьми направились к двери, я видела, что входная дверь с лестницы на этаж уже еле держалась. После этого мы спустились на первый этаж, потом вышли через запасной выход и через стадион уже направились ко дворам.

– Вы сказали, что произошел взрыв. Как вы поняли, что это взрыв? – спросила прокурор Яна Подольская.

– Это был взрыв, потому что кабинет как будто двигался, – ответила Ахтямова. – До такой степени такой хлопок это... Я чувствовала, что это действительно взрыв.

– А сколько таких взрывов было? – уточнила Подольская.

– Два раза точно было. Два раза.

– Кроме этих двух взрывов какие-то хлопки, выстрелы вы слышали?

– Хлопки и стрельбу вроде я слышала. Стрельба – да. Но взрыва точно я помню, что два было.

Затем серию уточняющих вопросов Ахтямовой задал прокурор Наиль Уразбаев, и последний его вопрос тоже был о взрывах:

– Вы сказали: было два взрыва. Они отличались друг от друга по звуку, по мощности?

– По звуку – да.

– Был какой-то один сильнее?

– Второй взрыв – это у нас как будто школа дрогнула.

– Можете вы спутать взрыв с выстрелом?

– Нет. Если такой взрыв происходит, что даже кабинет вздрогнул, уже чувствуется, что это не просто. Это, наверное, какой-то взрыв был.

Вопрос с количеством взрывов запутался еще накануне, 23 ноября, когда в суде был допрошен учитель физкультуры Руслан Смелов. Смелов в момент нападения вел урок на спортплощадке, видел силуэт убийцы в окне второго этажа, видел, как тот сквозь оконное стекло дважды выстрелил в сторону детей на спортплощадке. Также Смелов видел, как из окна кабинета 310 выпрыгнули ученики Гумирова и Ибрагимов; Ибрагимова Смелов вынес с площадки на руках.

Усмотрев в показаниях Смелова «существенные противоречия» (как и в показаниях всех остальных допрошенных

свидетелей), прокурор попросила зачитать показания, данные Смеловым 15 мая 2021 года.

В этих показаниях зафиксирован вопрос следователя Смелову:

«В момент оказания помощи Ибрагимову видели ли вы, как из окна гимназии было выброшено взрывное устройство, которое подорвалось у входа в подвал? Если да, то кем оно было выброшено?»

На странный вопрос следователя Смелов ответил отрицательно, но вопрос от этого не перестает быть странным, ведь в обвинении нет ни второго взрывного устройства, ни взрыва у подвала.

Директор гимназии

28 ноября суд допросил директора гимназии №175 Амину Валееву. Валеева также заявила, что в школе было несколько взрывов, а не один.

– Давайте насчет взрывов, – остановил Валееву прокурор Уразбаев, когда она в своем рассказе впервые произнесла это слово во множественном числе. – Вы говорите: «взрывы». Взрывов много было или один?

– Мне показалось, что более двух, потому что очень сильно, – ответила Валеева.

– Вы отличаете взрыв от выстрелов? – уточнил прокурор и, не получив сразу ответа, добавил: – Выстрелы, хлопки, которые вы слышали, они отличались друг от друга по силе? Какой-то один отдельный можете выделить из общего коли-

чества хлопков?

– Ощущение было такое, что взрывается и стреляют везде, я даже не могла определить, сколько человек, – ответила Валеева, глотая слезы.

– Как вы поняли, что взрывается везде? Только звуки вам об этом сказали?

– Нет, сотрясалось все.

– Сотрясалось как? Дверь, стены?

– Дверь в мой кабинет, которая выходила в коридор, ее снесло.

– Это было единственный раз, когда дверь снесло и все затряслось? Это один раз было? – продолжал уточнять Уразбаев.

– Нет. Не менее двух это точно. Ощущение было, что был не один взрыв, – уверенно ответила директор гимназии.

Также Валеева заявила о выстрелах после задержания Гальявиева, но в этом уже не была так тверда.

– В то время, когда приехала Росгвардия, эвакуация уже закончилась? – спросил Уразбаев.

– Нет, там еще стреляли, – ответила Валеева.

– Стреляли еще? – словно не поверил своим ушам прокурор. – То есть, выстрелы были уже в то время, когда приехали сотрудники полиции?

– По-моему, да, если я не ошибаюсь, – осеклась Валеева.

– А когда вы ходили уже по школе, стрельбы не было?

– Нет.

Судья Айрат Миннуллин спросил, может ли Валеева назвать количество выстрелов, которые она слышала.

– Очень много, – ответила директор.

– Как вы считаете, они были на первом этаже, или и на других этажах тоже?

– Вы знаете, может быть, чисто субъективно, но у меня было ощущение, что это и слева, и справа, и сверху, и снизу... Было полное ощущение, что очень много выстрелов, и сообразить, откуда они идут...

Валеева плакала все время, пока давала показания, и покинула зал в слезах, при поддержке судебного пристава.

Учителя Поликарпова и Гильмуллина

В момент нападения на гимназию учитель математики Анастасия Поликарпова вела урок у 7В на первом этаже в кабинете 108. Почти сразу после начала урока она услышала «громкие звуки, грохот», «два или три выстрела». Поликарпова выглянула из кабинета узнать, что произошло, и увидела на полу недалеко от двери тело женщины от ног до пояса. По одежде она поняла, что это Венера Айзатова. Рядом с телом, левым боком к Поликарповой, стоял «подсудимый», весь в черном и в черной маске: «Он смотрел на меня, я смотрела на него»; «в его глазах не было агрессии или злобы, они просто были пустыми». В этот момент Поликарпова не почувствовала угрозы со стороны человека в черном и даже хотела подойти к Айзатовой, решив, что той стало плохо. Тут раздалось объявление директора, и Поликарпова поняла, что

«происходит ужасное». Женщина закрыла дверь и держала ее руками. Она держала дверь изо всех сил, поэтому не смогла ответить на вопрос, пытался ли убийца войти в кабинет. Дети открыли окно и стали выпрыгивать на улицу. Поликарпова встала на подоконник последней, в этот момент раздался взрыв и ее выбросило на улицу взрывной волной.

Учитель Дина Гильмуллина во время нападения на гимназию была беременна и, к удивлению секретаря суда и женской части прокурорской команды, пришла в суд с грудным ребенком, который тоже на свой лад пытался давать показания. Его отвлекали погремушкой.

«Я вела урок в кабинете 107. В классе я была с Венерой Султановной: я вела урок, она проверяла тетради. Середина урока – мы слышим хлопки: сначала один хлопок, потом второй. Мы с Венерой Султановной посмотрели друг на друга, испугались, подумали, что в столовой что-то случилось. Потом Венера Султановна вышла, дверь оставила открытой, то есть, я ее видела в коридоре. И я смотрю – она уже обратно бежит, и я уже слышу опять хлопок, и в нее уже стреляют, и она лицом падает на пол.

Я уже понимаю, что это нападение на школу и сразу детям говорю: «Давайте до конца класса, легли на пол», и сразу сама пока иду в конце класса открываю окна, чтобы дети в случае необходимости смогли спрыгнуть с окна. Почему мы сразу не спрыгнули – потому что я не была уверена, что территория школы безопасна.

Дети легли на пол, не шумим. Потом было объявление директора, чтобы мы закрылись в кабинетах. Но в это время я не закрыла кабинет, потому что мы уже были в конце класса за партами и дети уже легли на пол.

Потом был взрыв: то ли это было в кабинете, то ли в коридоре. У меня уши оглохли, на партах вижу, что уже что-то начинает дымиться. И потом я детям говорю: «Давайте, спрыгнули с окошка!». Два окна были открыты, и дети начали прыгать. Я отвела их за территорию школы».

Нападавшего Гильмуллина не видела.

Все это оба учителя рассказали в суде 30 ноября. В показаниях Гильмуллиной важно, что она оставила дверь кабинета открытой настежь, но убийца почему-то не стал заходить в кабинет. Как будет видно далее из показаний самого Галявиева, он зачем-то солжет и скажет, что не смог попасть в кабинет 107, как планировал, так как дверь была заперта. Поэтому якобы ему пришлось поставить бомбу возле двери кабинета, а не внутри, как он хотел.

Записи с камер гимназии №175, показанные в суде ближе к концу процесса, также подтверждают, что дверь кабинета 107 была открыта настежь, но Галявиев даже не пытался туда заходить. Момент установки бомбы у дверей кабинета прокуроры так и не покажут, хотя камера смотрит именно в этом место¹⁴.

Показания учителя расстрелянного класса

30 ноября была допрошена учитель 8А Диляра Галиуллина. Во время нападения она была ранена в руку, получила инвалидность и даже спустя полтора года после ранения ходит с рукой на перевязи. Единственная из свидетелей она пришла в суд с адвокатом.

«Дети после праздников так соскучились друг по другу, так общались дружно. Потом был звонок на второй урок, он начинается в 8:55. Как обычно начали урок, повторяли правила, дала задание. Дети начали спокойно работать.

Прошло около 10 минут, я начала проходить по рядам, проверять, как выполняют. Вдруг послышался из коридора тревожный голос Амины Салимовны, но что она говорит – непонятно. А до этого за секунду слышали какие-то хлопки. Сразу мы подумали – что-то не то в столовой, или что-то горит, или учебная эвакуация. Первая мысль была – что это эвакуация. Фразы такие: «та-та-та-та-та». Мы сразу вышли в коридор. Там никого не было. Моя ученица Сагдеева Раиля

показаний свидетелей и потерпевших; внешний контур и размер здания взят с помощью Яндекс.Карт. На схемах отсутствуют подсобные помещения; туалеты отображены лишь в тех случаях, когда они важны для передвижений преступника (на первом этаже из туалета ему навстречу выбежала ученица, в которую он не стрелял; в туалете на втором этаже он оставил рюкзак с патронами). Схема уточнена с помощью бывших учеников гимназии и учителей; по их мнению, в целом она верна.

подошла к Рамзие Наилевне в кабинет 311 и спросила: «Что сказала директор?» Рамзия Наилевна ответила, что надо закрыть кабинеты. Я быстренько собрала детей, мы побежали в класс. Я последняя зашла и закрыла дверь, не на ключ.

Потом дети начали паниковать, я начал их успокаивать, сказала им: «Все хорошо, мы сейчас закроем дверь». Побежала к столу, чтобы забрать ключ. Он лежал на столе, а стол находится около окна. И вдруг случился взрыв. От взрыва оглохли уши. Какой-то мутное, непонятное ощущение... Завибрировал пол, стекла, стены. У нас между коридором и классом в кабинетах было окно, оно разбилось, до сих пор у меня в ушах звук рассыпающегося стекла. От этого дети начали еще больше паниковать. Я им говорила: «Ребята, ложитесь под парты!» И мои старосты, Карим и Аделя, тоже мне помогали, говорили успокоиться, слушаться.

Сейчас я долго рассказываю это, но это было мгновение. Я пошла к столу, но не дошла до своего стола – Аделя мне бросила ключ. Я развернулась и побежала к двери. У меня в голове одна мысль: «Закреть!» В руках ключ, направляюсь к двери. И вдруг, – остался метр, была уже на пороге – появился вооруженный человек, одет во все черное. В маске, в руках оружие. И он озверённый, такой злой, начал стрелять. Вот откуда у девятнадцатилетнего парня такая злость, я не понимаю! – здесь Галиуллина начала рыдать.

– Первая пуля попала мне в руку, – задыхаясь, продолжала она. – Я смотрела... У меня было черное платье, и у ме-

ня кровь, и висела... рука. Потом острую боль чувствовала я в правой руке. Упала, потеряла сознание. Не знаю, сколько времени прошло, открыла глаза. Все лежат. Лужи крови. Я эту картину не могу передать, – голос Галиуллиной сорвался. – Кто где лежит – не могу сказать, все лежат. Но я не могу встать. Потом я вижу рядом на втором ряду Зарипова Амира, как он закрыл глаза... – здесь учитель снова начал плакать.

– Потом там из второго ряда послышался голос Киямовой: «Прощайте, Диляра Ахмадулловна!» У меня тоже не было силы... кровь... я тоже думала умирать, я с ними попрощалась и просила прощения. Потом слышу Карима: «Диляра Ахмадулловна, нога, нога, у меня нет ноги!» Я говорю: «Ребята, я вам не могу помочь, у меня нет руки!» – плакала Галиуллина. – Но я пыталась встать, как-то помочь им, поползти до коридора. Но я не смогла встать. Я не смогла до коридора поползти и легла между стеной и третьим рядом».

Родители погибших и раненых учеников выслушали рассказ Галиуллиной без всякого сочувствия, между собой называли ее «актрисой», обвиняли ее в том, что она не заперла дверь на ключ, хотя у нее было достаточно времени для этого. Галиуллина защищалась тем, что оповещатель в ее классе не работал, поэтому она среагировала с опозданием, но родителей это не убедило: они считали, что времени у нее все равно оставалось достаточно. Галиуллина напомнила, что во время учебной эвакуации в 2020 году этот класс также не

эвакуировался, потому что не слышал оповещение, и все, включая директора, знали о проблеме.

Галиуллина не смогла опознать Галявиева, лишь твердила об озверевшем взгляде стрелка¹⁵, но сказала, что телосложение такое же.

Затем был зачитан протокол допроса Галилуллиной от 20 июня 2021 года:

«Я заходила в кабинет в последнюю очередь. Когда я была на пороге входной двери, прозвучал сильный взрыв. От взрыва входная дверь коридора третьего этажа повредилась, а именно разбилось стекло двери. Также от взрыва в нашем кабинете разбилось окно, расположенное в правой стене. После этого я сказала ученикам, чтобы они не плакали и сели под парты.

Я не помню, в какой момент я взяла ключи от кабинета. Я шла к двери кабинета и хотела закрыть ее на замок. Я почти дошла до входной двери и когда я была на расстоянии одного метра, в это же время я увидела в коридоре вооруженного человека в черной одежде с маской черного цвета на лице¹⁶, в руках которого было оружие черного цвета, похожее на автомат. Откуда появился данный человек, с какой сторо-

15

Уместно сравнить с впечатлением учителя Анастасии Поликарповой, которая видела Галявиева вблизи на первом этаже: «в его глазах не было агрессии или злобы, они были просто пустыми».

16

Ни один потерпевший из кабинета 310 не показал, что у нападавшего на маске была надпись «Бог», хотя раненый Галявиевым при входе в гимназию Мустафин показал, что такая надпись у него на маске была.

ны пришел, я не знаю. Затем, увидев меня, стоя напротив коридора на расстоянии больше одного метра, данный человек направил на меня свое оружие, и прогремел выстрел. Сколько было выстрелов, я не помню, либо один, либо два. После выстрелов я почувствовала острую боль в правой руке, была в очень сильном шоковом состоянии. Я упала лицом вниз на пол. В это время я подумала о теракте в городе Беслан. В это же время я слышала несколько выстрелов, но не видела, что происходило. Что было дальше, я не знаю, так как потеряла сознание.

Через некоторое время я пришла в сознание и увидела во втором ряду перед последней партой лежащего Зарипова без движения. Также я увидела остальных детей, лежащих под партой. Также в кабинете было много крови. Я точно помню, что некоторые дети издавали звуки: кто-то плакал, кто-то хрипел. Хасанов сказал, что у него нет ноги, Киямова попрощалась со мной. Также дети, которые были живы или ранены, начали звонить своим родителям.

Я в это время умудрилась сесть и пыталась поползти до коридора, чтобы попросить помощи. Я добралась ползком до входной двери, но из-за того, что у меня не было сил, упала на пол вдоль ближней правой стены. Через некоторое время я слышала звуки шагов, слышала, как сказали, чтобы тот, кто может, вышел в коридор.

Спустя некоторое время кто-то из спасателей погрузил меня на носилки и унес».

Также в допросе Галиуллиной от 21 сентября 2021 есть вопрос следователя, в котором он сообщает: согласно записям с камер гимназии, между взрывом и появлением в кабинете 310 человека в черном прошла 1 минута 15 секунд.

Полицейские, задержавшие Галявиева

1 декабря 2022 в суде были допрошены сотрудники полиции, первыми прибывшие на место преступления.

Ленар Мусин, «полицейский в отпуске», непосредственно заломивший руку за спину вышедшему из гимназии Галявиеву и уложивший его на асфальт, был допрошен первым.

Мусин показал, что утром 11 мая проезжал мимо гимназии на машине, когда услышал взрыв. Он остановил машину и пошел в гимназию. Находясь в фойе (до выхода из гимназии Галявиева), услышал не менее пяти выстрелов. На вопрос обвинения, как часто раздавались выстрелы, Мусин ответил: «долбил без остановки». Выстрелы доносились с верхних этажей, «слева сверху» от стоявшего в фойе Мусина.

Когда преступник вышел из гимназии, Мусин находился снаружи у крыльца. Лицо Ильназа было без маски. Мусин приказал другому полицейскому направить на вышедшего пистолет, после чего тот сказал: «Я сдаюсь».

Прокурор Аида Шайдуллина спросила Мусина, есть ли человек, которого он задержал, в зале суда. Мусин посмотрел на Галявиева, который сидел, низко склонив голову, прикрытую капюшоном.

– По капюшону опознать не могу, – ответил Мусин.

– Вы можете показать лицо, подсудимый? – обратился к Галявиеву судья. – Подсудимый! – повторил он снова, когда тот промолчал. – Не хотите показывать лицо?

– Нет, – ответил Ильназ, не поднимая головы.

По словам Мусина, Галявиев вышел из гимназии настолько спокойным, что ему трудно было опознать в нем виновника стрельбы, и полицейского насторожили лишь берцы на его ногах.

Далее был зачитан протокол допроса Мусина, в котором отражены ответы Галявиева на его вопросы: «Я был один; взрывпакет был один; ружье оставил в школе».

Также из протокола:

«Вопрос следователя: «После того, как вы задержали Галявиева, слышали ли вы звуки хлопков, стрельбы или других подобных звуков?»

Ответ Мусина: «Никаких подобных звуков после того, как молодой человек был задержан, не слышал».

Старший лейтенант Динар Динмухаметов был вызван в зал после Мусина. Вначале он отвечал на вопросы судьи бодро: «Никак нет!» и «Так точно!». Когда его попросили дать показания, Динмухаметов предложил огласить показания, данные им ранее. Когда судья настоял на устных показаниях, Динмухаметов стал заметно волноваться, а голос его стал почти не слышен.

Старший лейтенант прибыл на место происшествия после

Мусина и старшины ППС Хабибуллина.

– Вы сами хлопки или выстрелы слышали? – спросила Шайдуллина.

– Никак нет, – тихо сказал Динмухаметов.

Последним в зал пригласили старшину ППС Ильназа Хабибуллина. Он видел, как Галявиев вышел из школы.

– Точно не помню, какую фразу он первую крикнул, не то: «Я сдаюсь!», не то: «Я стрелял, я сдаюсь!», как-то так. То есть, он обозначил, дал понять, что это был именно он. Он выглядел очень молодо, мне кажется, можно было даже просто спутать его с учеником, – спокойно рассказал Хабибуллин.

Затем Мусин проводит прием задержания и кладет Галявиева на асфальт. Когда Ильназ уже в наручниках, Хабибуллин поднимает его и ведет в машину.

Поднимая задержанного с земли, старшина заметил на нем бурые пятна крови. По пути до машины он задал Галявиеву несколько вопросов.

– По его выражению лица вообще не было понятно. С усмешкой, с улыбкой на лице он мне сказал: «Да, я стрелял». «В кого?» – «В детей, хотел их убить». После того, как я задал вопрос, попал ли он в кого, – тишина. А, еще я спросил, из чего он стрелял. Он пояснил, прям четко, что это охотничий карабин помповый 12 калибра.

– Первое время все говорили, что он, возможно, не один, слышали еще какие-то громкие хлопки, – обмолвился Ха-

бибуллин. Но сам он ничего такого якобы не слышал, так как «больше работал визуально».

– В ходе обследования вы кого-нибудь еще обнаруживали, кто мог совершить данное преступление? – спросил адвокат Нуриахметов.

– В принципе, для меня, как человека, служившего в вооруженных силах и довольно продолжительное время в полиции, для меня сразу стало понятно, что кого-либо еще, кто участвовал, быть не могло. Локальность применения – только одно крыло, единица оружия – тоже одна, и в основном все погибшие и пострадавшие только в одном помещении. То есть, если бы их было больше, то и жертв, соответственно, было бы больше, – поделился своими соображениями Хабибуллин.

Через два месяца, 1 февраля 2023 года, прокурор Шайдуллина зачитала протокол осмотра видеозаписи с карманного видеорегистратора командира полка ППС УМВД РФ по городу Казани Ильназа Хабибуллина:

«Воспроизводится видео продолжительностью 3 минуты 5 секунд. Дата – 11 мая 2021 года, время – 9 часов 19 минут 51 секунда. Запись производится с помощью видеозаписывающего устройства, располагающегося на груди старшего экипажа №3505 Хабибуллина. В период времени с первой секунды во вторую минуту изображены трое мужчин в сидячем положении. Слева от данных мужчин стоит сотрудник полиции, между ними происходит разговор. На второй

минуте первой секунде Хабибуллин отвечает на телефонный звонок, после которого бежит к машине УАЗ Patriot с номерами А 5028 16 RUS и в период времени со второй минуты 23 секунды Хабибуллин, погрузившись в патрульную машину, начинает движение в направлении школы 175. В это время ведется разговор с помощью устройства радиостанции, поступает сообщение: «3503, 3507, 3509, 3505, 3552 Казань – срочно включаем все и летим туда, информация подтверждается». В период времени с 2 минуты 45 секунд Хабибуллин передает следующее сообщение с помощью радиостанции: «Казань 3505 уже на подъезде». И в 3 минуты 55 секунд видеозапись прекращается, время – 9 часов 23 минуты 46 секунд».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.